
Подарок
для бессмертных
Ника Лунара
18+

Ника Лунара
Подарок для бессмертных

https://litres.ru/74731033
SelfPub; 2026

Аннотация

Перед тобой, дорогой читатель, настоящий новогодний винегрет: немного магии, щепотка мистики, любовь на троих, щедрая порция юмора, капля безумия и целая гора снега. А ещё — тайны, которым уже несколько столетий, и бессмертные мужчины с весьма своеобразным чувством гостеприимства.

Накануне Нового года Влада попадает в снежную ловушку и, пытаясь найти помощь после аварии на дороге, оказывается в старинном замке. Её приютили двое невероятно привлекательных, но очень странных мужчин. Поначалу всё складывается почти идеально: уют, забота, внимание и ощущение, что ей повезло.

Странности хозяев Влада старается не замечать. Ведь буря скоро закончится, и она вернётся домой. Но случайная находка в подвале меняет всё: жертвенный алтарь, ритуальная чаша, старинный нож и фолиант с нескончаемым списком женских имён.

Кто эти мужчины? Зачем им понадобилась именно она? И почему кажется, что выбраться из замка будет куда сложнее, чем попасть в него?

Содержание

Пролог. 4
Глава 1. 8
Глава 2. 18
Глава 3. 29
Глава 4. 38
Глава 5. 47
Конец ознакомительного фрагмента. 58

Ника Лунара
Подарок для бессмертных

Пролог.

Смерть может разлучить тела.
Время может стереть воспоминания.
Но даже вечность не всегда
способна разлучить души.
Ника Лунара.

Рулан.
1526 год.

Я был сотским сыном из-под Смоленска, из тех, кто с малолетства в седле да с саблей на боку. Ремесло наше простое: верховая служба, государевы дозоры да стычки на порубежье. В тот год зима встала ранняя, лютая.

Всё помню до мелочей: как уходили мы от погони, пытаясь отбить мою невесту, мою Ладу у литовского отряда. Я крикнул ей прятаться в чащу, а сам рванул по заснеженному яру на своём сером воронке, уводя преследователей прочь от неё. Снежная крупа секла рожу, забивалась под стоячий ворот овчинного зипуна, таяла на губах. Конь подо мной хрипел, скользил по наледи, но я гнал его без жалости. Либо на

лёд, либо на копья. Выбор невелик.

Речушка внизу едва схватилась. Лёд под копытами затрещал набатом, спасенья не оставив. Воронок взвился, перевернулся, и мы вместе рухнули в чёрное, стылое месиво. Тяжёлый зипун, сабля да сапоги, подбитые гвоздями, разом потянули ко дну. Холод полоснул по горлу так, что дух занялся. Я помню мутный круг проруби над головой, отчаянный судорожный глоток ледяной воды... и мрак.

Очнулся оттого, что лёгкие требовали воздуха.

Я рывком сел. Ни речного холода, ни боли в разбитом о лёд плече. Сухой овчинный зипун, сухие рукавицы, сабля при мне.

Но кругом... Господи, спаси.

Ни леса, ни яра, ни погони. Лишь бескрайняя, плоская, как ладонь, белая пустыня. А над ней застыло тусклое солнце строго над головой. Ни облачко не дрогнет, ни ветерок не потянет. Мёртвая, давящая тишина. Я глянул вниз: настеленный снег лежит ровным пластом, а моих следов нет. Обернулся, и там гладь.

— Эй! Есть кто?! — выкрикнул я, хватаясь за рукоять сабли.

Голос свалился под ноги и угас, словно я кричал в пустой сундук. Солнце за полчаса (или за день?) не сдвинулось ни на вершок. Погода не менялась, тень от меня не падала. Вот тутто под зипуном всё и похолодело: я провалился туда, откуда живыми не возвращаются.

Я побрёл наугад по этой неживой белизне. Ни коня, ни следа от воронка. Скоро ли, долго ли, впереди вырос силуэт.

Парень в тёмном кафтане, без шапки. На вид лет тридцати пяти. Стоит, озираясь, и держит руку на поясе, точно так же, как я.

Я подошёл, не вынимая клинка, но готовясь к худшему:

— Ты чьих будешь? И где мы вообще?

Парень тёр рукавом лоб, глаза у него были дикие, растерянные:

— Не ведаю... Жену мою Усладу от змеи спасал. Жёнушка моя... ядовитая тварь из травы бросилась, я её оттолкнул, а сам укус принял. Очнулся тут. Меня Дамианом кличут. А тебя?

— Рулан.. — выдохнул я, оглядывая его. — И давно ты тут шатаешься?

— Почитай, несколько дней. А может, и неделя. Тут нет дня и ночи, Рулан.

Мы уставились друг на друга, два растерянных служилых парня, отрезанных от земли, от дома, от самого хода жизни.

И тут застывший воздух над пустыней уплотнился, ударив по ушам чудовищным давлением. В наших головах, глухо, безмолвно, но так мощно, что колени подогнулись, раздался чужой голос:

«Сошли вы с тропы живых. Отныне вы — наведы сего рубежа... Ступайте. Идите на зов».

Слово «наведы» отозвалось в груди недоброй, древней

жутью. Дамиан побледнел, выхватив нож, но выходить было не на кого.

А впереди, разрывая белую пелену, со скрежетом и гулом начали подниматься огромные, тёмные стены из тесаного камня, которых здесь секунду назад не было. И из-за этих стен донёсся одинокий, глубокий колокольный звон.

Глава 1.

Влада.

Наши дни.

Утро 27 декабря выдалось сумасшедшим. В прихожей вовсю гремел молнией дорожной сумки Андрей, а я металась между ноутбуком и кухонным столом, зажав телефон плечом и пытаясь разобрать утреннее голосовое сообщение от напарницы. Накануне наша главная по расчётам свалилась с пневмонией, и весь её объём работы по закрытию года внезапно раскидали на меня.

— Да, Ир, я вижу файл, сейчас перепроверю шестидесятый счёт... — бормотала я в трубку, одной рукой завязывая хвост, а другой пытаясь нащупать кружку с чаем.

Андрей замер у зеркала, закидывая на плечо ремень сумки, и с досадой посмотрел на мой заполошный вид.

— Да уж, подарочек к Новому году... — Андрей покачал головой, застёгивая сумку. — Я-то думал, в этот раз уедем как люди, а не как обычно.

Я прикрыла динамик телефона ладонью и шёпотом, чтобы не отвлекаться от рабочего чата, быстро проговорила:

— Андрей, мы же вчера всё обсудили! Ну неужели ты думаешь, что я сама рада? Но я физически не могу бросить этот отчёт прямо сейчас, меня за него живьём съедят. Тебе-то нет смысла сидеть тут рядом и смотреть, как я взмы-

ленная бегаю. Побольше побудешь с сестрой и племянниками, они и так извелись уже, ждут. День, ну максимум два, я разделаюсь с этими хвостами и сразу за тобой подъеду!

Андрей вздохнул, понимая, что против налоговой и годового баланса аргументы бессильны:

— Ладно, спорить не буду. Но один-два дня, и ты за руль, договорились?

— Ты зарядку от телефона не забыл?

— Не забыл.

Я чмокнула его в губы, провожая до двери, и снова прижала телефон к уху:

— Ир, я тут... Давай заново по цифрам.

Щёлкнул замок. Андрей уехал.

День пролетел в сумасшедшем ритме. В офисе творился настоящий ад: цифры плыли перед глазами, телефон разрывался от звонков, а начальница только успевала подкидывать новые сверки по косячному участку. Пришлось выложиться по полной, но к вечеру основные хвосты были закрыты.

Когда я наконец вырвалась на улицу, суета мгновенно отступила. В городе вовсю царила новогодняя сказка: витрины переливались золотыми гирляндами, из колонок у ТЦ доносилась праздничная музыка, а в воздухе пахло морозной свежестью. Я специально пошла домой пешком, заглянув по пути в небольшой магазинчик за мандаринами и всякими вкусностями.

Дома ждали тишина и уют. Я заварила себе горячий чай,

включила гирлянду на ёлке и высыпала яркие оранжевые плоды в вазу.

Едва я отломила первую дольку, как ожил телефон. Звонил Андрей.

— Влад, я добрался отлично! — раздался в трубке его довольный голос, а на заднем плане слышались шум и смех племянников. — Все передают тебе огромный привет! Тут класс, но без тебя всё равно не то. Кстати, по новостям передают, что дня через три-четыре тут аномальную метель обещают, занесёт всё к чертям. Ты же точно раньше приедешь?

Я улыбнулась, глядя на мерцающие огни ёлки:

— Конечно, раньше! Завтра закрою с утра остатки и сразу за руль, к вам.

На следующее утро я приехала в офис раньше всех. В тишине пустого кабинета, пока не начались звонки и суета, работалось удивительно легко. Пальцы летали по клавиатуре, цифры в ведомостях наконец-то сходились рубль в рубль, а на душе становилось всё светлее. К двенадцати часам дня последний итоговый отчёт улетел на почту начальнице, и я с чувством выполненного долга закрыла тяжёлый рабочий ноутбук.

Всё. Свобода.

Я не спеша собрала вещи, попрощалась с коллегами, которые только начали сползаться на свои рабочие места, и вышла на свежий воздух. День стоял тихий, по-зимнему пригожий. Ни ветерка, ни сугробов, ровное серое небо и сухой,

чуть подмороженный асфальт.

Дома я спокойно уложила в дорожную сумку вещи, упаковала подарки для племянников Андрея, проверила, выключен ли утюг и закрыты ли окна. Налила себе в термокружку горячий чай с имбирём и лимоном, чтобы потягивать его в дороге.

Всё складывалось просто идеально. До загородного дома сестры Андрея было часов семь-восемь пути. Дорога неблизкая, почти через всю область, но хорошо знакомая. Я планировала оказаться на месте уже затемно, как раз к позднему ужину, в кругу семьи.

Около двух часов дня я спустилась во двор, закинула сумку на заднее сиденье своей машины и завела двигатель. Навигатор в смартфоне привычно пикнул, прокладывая ровную зелёную линию маршрута через объездную трассу.

— Ну, поехали, — тихо сказала я сама себе, выкручивая руль и выезжая со двора.

Городские улицы плавно сменились полосой редкого пригородного лесочка. Машина шла мягко, из колонок тихо мурлыкала радиоволна с новогодними треками. Я чувствовала приятную усталость после сумасшедшего аврала и предвкушала, как уже ночью буду пить с Андреем горячий чай у камина.

Однако спустя почти четыре часа пути, когда позади осталась добрая половина дороги, а по обе стороны шоссе встал глухой, засыпанный снегом сосновый бор, навигатор неожи-

данно задорно звякнул и сбросил маршрут.

Я мельком глянула на экран, закреплённый на дефлекторе. Значок GPS нервно замигал, а затем выдал: «Поиск спутников...»

В ту же секунду подступившие сумерки за лобовым стеклом начали стремительно сгущаться, будто кто-то сверху накрыл трассу плотным серым покрывалом

Асфальт под колёсами ещё секунду назад был сухим и чистым, но внезапно его затянуло белёсой позёмкой. Ветер налетел со стороны тайги не порывом, а сплошной, тяжёлой стеной, от которой машину ощутимо качнуло в сторону.

Я крепче сжала руль, вглядываясь в лобовое стекло.

Серое покрывало небес за пару минут налилось свинцовой синевой и опустилось почти до самой земли. Термометр на приборной панели начал сходить с ума: температура падала прямо на глазах. Минус пять, минус двенадцать, минус двадцать... Цифры мелькали, словно секундомер на взрывчатке.

— Что за чертовщина? — прошептала я, щёлкнув переключателем дворников.

Дворники судорожно заскребли по стеклу, но вместо обычного мягкого снега на лобовое обрушилась ледяная крошка, похожая на песок. Она не таяла, а мгновенно схватывалась на стекле плотной белой коркой. Включённый дальний свет фар не пробивал эту тьму. Лучи просто упирались в плотную, воющую стену.

Снег летел не сверху вниз, а бледными, скрученными в тугие жгуты горизонтальными струями. Он будто плясал вокруг машины, закручиваясь в нереальные, почти человеческие силуэты. Метель не просто шумела, она ревела, переходя в голодный, почти животный вой, от которого внутри всё сжалось от страха.

Смартфон на дефлекторе окончательно погас. Экран просто пошёл тёмными полосами и отключился, несмотря на то что был подключён к проводной зарядке.

Трасса исчезла. Ни разметки, ни обочин, ни знаков, только беспросветное белое месиво и вой бури за тонкими стёклами.

Я нажала на педаль тормоза, пытаясь плавно снизить скорость, но колёса уже потеряли сцепление с дорогой. Машину со страшной силой повело влево. Я судорожно крутанула руль, пытаясь выровнять занос, но фары выхватили из слепящей пелены толстый ствол векового дерева, выросшего прямо по ходу неуправляемого движения.

Удар пришёлся на переднюю часть.

Несмотря на туго затянутый ремень безопасности, меня с размаху бросило вперёд. Лоб ударился о рулевое колесо. В ушах зазвенело, перед глазами вспыхнули искры, а во рту мгновенно появился металлический привкус крови. На секунду мир вокруг взорвался яркой вспышкой боли, а затем погрузился в тяжёлую, липкую темноту.

Сколько прошло времени, секунды или минуты, я не по-

нимала.

В себя меня привели жуткий, пробирающий до костей холод и резкая боль в ушибленном лбу. Я с трудом разлепила веки. Лобовое стекло со стороны пассажира покрылось паутиной трещин, а капот безнадёжно вмяло в тёмную древесную кору.

Я попыталась выдохнуть, но каждый вдох обжигал горло ледяным воздухом. В салоне уже вовсю хозяйничал мороз, проникая через неплотности в повреждённом кузове.

Первым делом я вспомнила о телефоне. Во время удара он, должно быть, слетел с консоли. Я наклонилась, пошарила рукой под сиденьем и наконец нашла его. Экран отозвался на нажатие, но изображение искажали тонкие полосы, а по стеклу шла небольшая трещина. Сети не было.

Руки дрожали так, что я еле нащупала ключ в замке зажигания.

— Ну же... давай... — прошептала я, с трудом поворачивая ключ.

Стартер тяжело, надсадно заскрежетал, двигатель кашлянул раз, другой и затих окончательно. Приборная панель моргнула последним тусклым огоньком и полностью погасла. Аккумулятор, похоже, окончательно разрядился.

Вой метели снаружи стал казаться громче, будто буря праздновала победу. Печка умолкла. Салон машины на глазах превращался в ледяной склеп, а в груди поселился липкий, парализующий страх.

Сидеть на месте означало замёрзнуть насмерть. Холод постепенно пробирался сквозь одежду, сковывая тело. Лоб саднило от острой боли, а ремень безопасности при ударе так резко впился в грудь и плечо, что каждое дыхание отдавалось тупой ноющей болью. Мелкие царапины на руках и лице щипало от злого мороза.

Надо выходить... На трассе должны быть машины. Или где-то рядом есть деревня... Любой дом, — пронеслась в голове спасительная мысль.

Я толкнула водительскую дверь. Из-за повреждений после удара она поддалась не сразу. Пришлось надавить плечом. Телефон я убрала в карман пуховика и, опираясь на дверцу, выбралась наружу.

Морозный воздух мгновенно обжёг лёгкие. На улице буря будто слегка умерила свой безумный пыл: слепящая круговерть затихла, превратившись в густой, плотный снегопад. Но за то время, что я пробыла без сознания, трассу уже занесло сантиметров на пять свежим покрывалом. Ни следов шин, ни проезжающих машин, только глухая, мёртвая тишина зимнего леса.

Я плотнее запахнула воротник, натянула капюшон, засунула зябкие руки глубоко в карманы и побрела вперёд по обочине, проваливаясь в снег.

Пять минут... Десять... Пальцы на ногах в сапогах начали терять чувствительность, а тело сковывала липкая, тяжёлая усталость. Кажется, я уже перестала понимать, куда иду.

И вдруг сквозь пелену падающих снежинок вдалеке блеснул слабый, тёплый лучик света.

Я зажмурилась, вытерла рукавом мокрые от снега ресницы и всмотрелась в темноту. Из сумерек вырисовывались массивные, тяжёлые очертания.

— Ничего себе... — выдохнула я, останавливаясь.

Впереди возвышался настоящий замок. Не современный коттедж и не пряничный домик, а самое настоящее строение из тёмного, сурового камня с узкими стрельчатыми окнами, остроконечными башнями и высокой скатной крышей.

Музей какого-нибудь мецената? Или какой-то местный богач построил под старину?.. А может, заброшка? — мысли путались от холода и усталости.

Но тут в одном из высоких окон на втором этаже отчётливо дрогнул яркий, живой свет, будто за стеклом зажгли свечу или горел камин.

Нет, не заброшка. Там точно кто-то есть. Сторож, хозяин, неважно. Там есть тепло, телефон и помощь.

Превозмогая дрожь во всём теле, я преодолела последние метры, поднялась по широким, занесённым снегом каменным ступеням и оказалась перед массивными дубовыми дверями, украшенными тяжёлыми коваными накладками. Замок вблизи выглядел невероятно красивым, но при этом странным, величественно-мрачным, словно стоял здесь не одно столетие.

Я подняла заиндевевшую руку, нащупала тяжёлое желез-

ное кольцо-колотушку и из последних сил несколько раз громко постучала по промёрзшей древесине.

Глава 2.

Рулан.

— Это из-за твоего раздолбайства? — Дамиан даже не поднял головы от фолианта, разложенного на массивном дубовом столе, но в его голосе отчётливо слышался приговор. Затем он всё же оторвался от древних страниц, смерил меня медленным взглядом с ног до головы и тяжело вздохнул: — И что за наряд? Ты идиот? Серьёзно, свитер с оленем и клетчатые пижамные штаны? Надеешься, что Дед Мороз принесёт тебе подарок за хорошее поведение?

Я мельком глянул на своего вышитого оленя с красным носом, хмыкнул и поправил уютные домашние штаны. В огромном холле первого этажа вовсю сияла пятиметровая живая ёлка, которую мы нарядили от нечего делать. Её верхушка почти достигала галереи второго этажа. По всему дому разносился густой запах хвои и корицы.

— А что сразу я? — я ухмыльнулся, подкинув и поймав в воздухе спелый оранжевый мандарин. — Надо же было поддать мощи нашему ритуалу! Хорошая метель отличненько подгоняет заблудшие души прямо к нужному порогу.

— Я просил слегка направить потоки, а не устраивать арктический шторм, который снесёт пол-области, — Дамиан наконец закрыл книгу, одарив меня своим фирменным взглядом, спорить с которым себе дороже. — Призыв мы только

что закончили. И благодаря тебе та, кого затянет на Границу, просто замёрзнет на подступах к замку.

— Не замёрзнет, — я очистил мандарин и забросил дольку в рот. — Ритуал ошибок не прощает, всех ведёт чётко. Другое дело, что из года в год притягивается всё не то. Но если сегодня придёт она, то пробьётся даже через бурю. К тому же... — я хитро прищурился, скатал из мандариновой корки плотный комок и метнул прямо в безупречно зачёсанные тёмные волосы Дамиана, — ...в этот раз твоя очередь встречать очередную «избранную».

Дамиан ловко, даже не глядя, перехватил корку в сантиметре от своего носа и строго посмотрел на меня. Но уголок его губ всё же дёрнулся.

За те столетия, что мы были связаны, мы выучили привычки друг друга до мелочей. Мы давно научились жить среди обычных людей: меняли имена и документы, открывали бизнес, переезжали из города в город, растворяясь в людском муравейнике. Но этот замок на Границе всегда оставался нашим главным пристанищем, местом силы и укрытием. Только здесь хранились древние книги, семейные реликвии и всё, что было связано с нашим бессмертием. Сюда мы возвращались, как в отпуск от цивилизации, и именно здесь из года в год проводили тот самый призыв.

В зале трещал камин, пахло хвоей, цитрусами и старой бумагой. Было тепло, по-настоящему уютно и совсем по-домашнему.

— Призыв-то сработает, Рулан, — Дамиан поднялся из-за стола, поправляя воротник тёмного джемпера. — Вот только в прошлый раз с девицей мы так старались, а на финальном ритуале Граница выдала жалкие тридцать процентов совпадения. И снова пришлось стирать память, отправлять её назад в город. Мы оба знаем цену этим ежегодным гостьям. Никакой «третьей силы» мы пока так и не нашли, и глупо надеяться, что этот год станет исключением.

— А вдруг? — хмыкнул я, удобнее устраиваясь в кресле и откидываясь на резную спинку. — Всяко лучше, чем сидеть тут и киснуть над древними фолиантами.

Гулкий, тяжёлый удар по промёрзшей древесине входной двери заставил нас обоих одновременно замереть.

Звук повторился.

Я выпрямился в кресле, а ухмылка сама собой сползла с моего лица. Мы переглянулись с Дамианом. В его глазах мгновенно вспыхнула сосредоточенность.

— Ну что, хозяин замка? — я поднялся, кивнув в сторону выхода. — Иди открывай. Гостья пожаловала.

Дамиан смерил меня долгим взглядом, не стал спорить и направился к двери. Я не удержался и пошёл следом.

Тяжёлый засов с грохотом сдвинулся, кованая дверь подалась внутрь с глубоким скрипом.

На пороге, на фоне безумного белого месива и ночной тьмы, стояла настоящая человеческая сосулька. Капюшон пуховика заледенел, с ресниц свисали иней и снег, лоб был

рассечён и в крови, а сама девчонка дрожала так, будто её суставы вот-вот рассыплются.

— Помогите... — выдохнула она сквозь синие губы, сделала шаг вперёд и начала валиться прямо на руки замершему Дамиану.

Дамиан отреагировал мгновенно. Первоначальный шок сменился привычной собранностью, и он подхватил падающую девчонку за плечи и спину, не дав ей растянуться на каменном полу.

— Рулан, дверь! — отрывисто бросил он, легко удерживая гостью на руках.

Я подскочил к выходу и с силой прижал тяжёлую дубовую створку. Засов вошёл в паз с глухим щелчком, отсекая вой бури и ледяной ветер. В холле сразу стало звеняще тихо, только камин потрескивал да пахло еловыми ветками.

Дамиан уже нёс её к широкому дивану. Я быстро шагнул следом, рассматривая гостью, которую привёл к нам ритуал.

— М-да, видок тот ещё, — хмыкнул я, опершись о спинку дивана и наклоняясь ближе. — Наша «третья сила» решила штурмовать замок в режиме сурового выживания.

— Смейся дальше, Рулан, только лучше помоги, — буркнул Дамиан, укладывая девчонку на мягкие подушки. — У неё дикое переохлаждение. Если она сейчас загнётся от гипотермии, наш ритуал пойдёт коту под хвост.

Снимать с неё промёрзшую одежду пришлось вдвоём. Пуховик затвердел от мороза и трещал, когда мы расстёгива-

ли молнию. Я помог снять его, затем стянул с гостьи заиндевевшие сапоги и промокшие джинсы. Дамиан тем временем осторожно снял с неё свитер. Под пледом остались тонкая майка и кружевные трусики.

Девчонка бредила, не открывая глаз, и её била крупная дрожь. Тело пыталось согреться изо всех сил.

— Пледы! Живее, — скомандовал Дамиан, устраивая её подальше от прямого жара камина.

Я метнулся к комоду, выхватил пару самых толстых шерстяных пледов и бросил ему. Мы плотно укутали её до самого подбородка, а Дамиан осторожно принялся согревать её руки и плечи через ткань.

Я взял сухую салфетку и наклонился, чтобы стереть с её виска тонкую дорожку запёкшейся крови от рассечённой раны на лбу.

Кожа под пальцами казалась ледяной, но стоит отдать должное: девчонка оказалась весьма недурна собой. Даже с этим беспорядком на голове, разбитым лбом и бледными губами в ней ощущался утончённый городской лоск. В её чертах читалась не просто хрупкость, а какая-то сдержанная сила. Тёмные, почти смоляные волосы раскинулись по подушке контрастными прядями, очерчивая бледное лицо, аккуратный нос и сочные губы, которые сейчас отчаянно синели от мороза.

Я на секунду задержал взгляд на незваной гостье. Даже без сознания она умудрялась выглядеть чертовски упрямой.

— А мадемуазель-то очень даже ничего, — хмыкнул я, осторожно промокая рану. — Симпатичная. Если опять окажется, что процент совпадения нулевой, то хотя бы праздники проведём в приятной компании. А то в прошлый раз Граница нам такую дамочку выдала... ну совсем не нашего типажа.

Я оторвался от раны и с живописным ужасом очертил пальцами в воздухе контуры пышных, расплывшихся форм:

— Старовата, полновата... да и лицом, мягко говоря, на любителя специфических ценностей.

Дамиан на секунду зажмурился, поморщился и тяжело вздохнул, не прекращая согревать замерзшие плечи гостьи:

— Я помню Елизавету, Рулан. Пожалуйста, не надо напоминать мне о её «красоте». Я три недели пытался поддерживать светскую беседу, пока ждал дня ритуала.

Я не удержался и тихо засмеялся, снова уставившись на лежащую перед нами девчонку:

— Ладно-ладно, молчу! Но эта-то какова... Ох, хороша. А когда цвет лица перестанет напоминать трупный и станет розовеньким, думаю, она вообще окажется красоткой.

Дамиан смерил меня строгим, отрезвляющим взглядом:

— Рулан, она едва не замёрзла насмерть у нашего порога. Сбавь свой гусарский пыл и принеси лучше из кухни отвар с мёдом и пряностями. Ей нужно согреться изнутри, иначе судороги не пройдут.

— Уже лечу, заботливый ты наш, — усмехнулся я, под-

нявшись на ноги.

Я шагнул в сторону кухни, на ходу напевая какой-то мотив. Наш ритуал привёл к нам не просто очередную «неизвестную», а весьма миловидную гостью. И пусть мы с Дамианом оба знали, что до самого ритуала она останется для нас лишь обычной чужой женщиной из внешнего мира, этот вечер явно переставал быть скучным.

Спустя минуту я вернулся в зал, держа в руках пузатую кружку с тёплым отваром. Густой аромат корицы, гвоздики и дикого мёда мгновенно вытеснил запах мокрой одежды и принесённого с улицы мороза. Я поставил кружку на край стола и присел рядом.

— Ну что, птичка, как насчёт вернуться к нам? — тихо проговорил я, осторожно коснувшись её плеча.

Девчонка слабо пошевелилась. Дамиан наклонился к ней и негромко произнёс:

— Вы в безопасности. Не торопитесь, просто откройте глаза.

Её веки затрепетали, густые тёмные ресницы дрогнули. Она с трудом разлепила глаза и несколько секунд смотрела перед собой, словно не могла понять, где находится. Потом взгляд остановился на мне.

Вспышка осознания наступила не сразу. Девушка огляделась, заметила двух незнакомых мужчин и резко попыталась отодвинуться. Дамиан тут же убрал руки, которыми до этого поддерживал её плечи. Незнакомка подтянула шерстяной

плед к самому подбородку.

— Тихо-тихо, — сказал я, чуть отстраняясь. — Никто тебя не тронет.

Её взгляд бегал по холлу, цепляясь за детали: треск камина, огромная ель в углу, кованые светильники, Дамиан в своём строгом тёмном джемпере и я в свитере с оленем. А затем она опустила глаза на себя, понимая, что под шерстяным покрывалом на ней почти ничего нет. По бледным щекам полоснул быстрый румянец, а челюсти сжались так, что на скулах выступили желваки.

— Где... я? — голос прозвучал глухо, хрипло, но в нём не было и капли плаксивой паники. Она осторожно огляделась, вжимаясь спиной в подушки дивана, и одарила нас двоих цепким, настороженным взглядом: — Кто вы такие?.. И почему я... без одежды?

Дамиан чуть отступил на шаг, демонстрируя открытые ладони и сохраняя своё привычное спокойствие:

— Меня зовут Дамиан, это Рулан. Вы постучали в наши двери полчаса назад и потеряли сознание. Нам пришлось снять заледеневший пуховик и промокшие вещи, чтобы вы не умерли от переохлаждения.

Я взял кружку со стола и протянул ей.

— Теперь можете попробовать отвар. Он уже не обжигает. Только понемногу.

Она недоверчиво посмотрела на меня, затем на кружку. Дамиан помог ей устроиться удобнее, придерживая плед у

плеч. Девушка осторожно взяла кружку обеими руками и сделала небольшой глоток, поморщилась, но пить не отказалась.

Она растерянно огляделась, явно пытаясь сообразить, что произошло. Пальцы судорожно впились в шерстяную ткань пледа.

— Я... ехала на машине, — проговорила она медленно, сомневаясь в каждом слове, будто фрагменты памяти давались с трудом. — Навигатор отключился, началась метель... потом был удар. А дальше я просто шла пешком на свет, чтобы найти помощь...

Я с живописным интересом наблюдал за её реакцией. Значит, заблудившаяся автомобилистка.

— Ну, считайте, что свет из наших окон привёл вас прямо в нужные руки, мадемуазель, — я кивнул на кружку и чуть усмехнулся. — И дошли вы очень вовремя. Ещё немного на таком морозе, и отогревать было бы уже некого.

Девчонка на секунду замерла, а потом резко спохватилась, озираясь по сторонам:

— Мне... мне нужен телефон! — её голос звенел от растущего напряжения. — Мой не ловит сеть. Мне нужно срочно позвонить, предупредить родных, что я жива! Где тут ловит связь?

Дамиан мягко качнул головой, сохраняя абсолютно спокойный и убедительный тон:

— Нигде. На улице бушует аномальный шторм, связь пол-

ностью выбило. Мы сейчас в абсолютном информационном вакууме. Вам повезло, что в доме вообще пока есть электричество, хотя, впрочем, у нас камин и свечи, без света мы в любом случае не пропадём.

— В смысле — вакууме? — она нахмурилась, впившись в Дамиана недоверчивым взглядом. — Вы смеётесь? Нужно вызвать эвакуатор, спасателей!

— Спасатели в такую метель даже из гаража не выедут, — я развёл руками, поправив оленя на свитере. — Единственный разумный вариант — переждать непогоду. Не волнуйтесь, мы вас не выгоним. В замке найдётся уютная гостевая комната, так что перекантуетесь в тепле.

Она крепко сжала губы, переведя взгляд с меня на Дамиана. Стальной стержень в ней не гнулся даже под грузом шока, но спорить с очевидным было бесполезно: за окнами продолжала реветь метель.

— И всё же, — Дамиан чуть наклонил голову, внимательно всматриваясь в её бледное лицо. — Гостья в нашем доме уже есть, а имени мы так и не услышали. Как к вам обращаться?

Она помедлила, судорожно сжимая край шерстяного пледа, будто взвешивала, стоит ли вообще открывать нам свои данные, но всё же выдохнула:

— Влада. Влада Викторовна.

— Прям Викторовна? — я хмыкнул, не удержавшись от лёгкого прищура. — Строго-то как. Сразу видно, серьёзная

городская дама. А мы уж грешным делом подумали, что к нам снежную нимфу занесло.

Влада полоснула по мне таким взглядом, что если бы глаза могли вырабатывать электричество, мой свитер с оленем мгновенно вспыхнул бы ярким пламенем.

— Можно просто Влада, — отрезала она, чуть плотнее подтягивая плед к подбородку. — Если, конечно, это не слишком нарушит ваши «замковые» манеры.

— Я принесу вам сухую одежду, — сказал Дамиан, даже не моргнув, и бросил на меня выразительный взгляд: — А Рулан тем временем проверит, хорошо ли прогрета гостевая комната.

— Опять всё самое интересное мне, — усмехнулся я, поднимаясь с места. — Пойду проверю батареи и полотенца. Вдруг термостат решил подшутить над нашей гостьей.

Влада проводила меня подозрительным взглядом, но сил на колкости у неё явно не оставалось. Отвар с мёдом и пряностями постепенно согревал её, а усталость после пережитого всё сильнее давала о себе знать.

— Отопление у нас работает исправно, не волнуйтесь, — добавил Дамиан, поднимаясь вслед за мной. — И горячий душ в вашем распоряжении.

Она сдержанно кивнула, крепче кутаясь в плед и осторожно поднимаясь с дивана. Ноги у неё всё ещё немного подгибались от перенесённого холода, но стальной стержень не позволял показать слабость.

Глава 3.

Влада.

Ноги отнимались. Каждое движение отзывалось тяжёлой, ноющей ломотой в суставах, а плед, в который я вцепилась мёртвой хваткой, казался единственным щитом между мной и этой странной реальностью.

Меня отогрели. Я была спасена, жива и наконец-то в тепле. Но ощущение дикого, не укладывающегося в голове сюрреализма не отпускало ни на секунду.

Дом, если эту громадину вообще можно было назвать домом, шокировал. Снаружи он казался мрачной средневековой цитаделью, но внутри сказочным образом уживались древность и идеальный современный комфорт. Каменные своды, массивные дубовые двери, резные балконы... и при этом бесшумные современные радиаторы отопления, мягкая скрытая подсветка вдоль ступеней и стойкий запах еловых веток, корицы и цитрусовых. Будто хозяева просто захотели соединить две разные эпохи, и пространство послушно подстроилось под их желание.

А сами хозяева... В них было что-то глубоко правильное, но одновременно пугающее.

Первый — Дамиан. Высокий, сдержанный, в строгом тёмном джемпере. От него веяло такой тяжёлой, словно застывшей во времени властностью и опасной элегантностью,

что рядом с ним становилось трудно дышать. Чёрные как смоль волосы с редкой проседью на висках, аристократическая бледность и взгляд... Никогда не видела таких глаз. В них не было ни капли суеты. Так смотрят люди, которые привыкли повелевать миром или точно знают, чем закончится эта жизнь. В нём ощущался стальной каркас, о который легко разбиться.

Второй — Рулан. Абсолютная противоположность. Движения дерзкие, лёгкие, на губах играет постоянная провоцирующая усмешка. Пепельные волосы, резкие скулы, пронзительные светлые глаза. Какая-то невероятная, сокрушительная мужская красота, но без единого изъяна, будто его лицо ваял скульптор из прошлого века, а потом просто нарядил в домашние клетчатые штаны и глупейший свитер с вышитым оленем.

У обоих были лица... странные. Не в плане дефектов, наоборот. В них проглядывала какая-то породистая, старинная кость, которую сейчас среди городских жителей встретить почти невозможно. Будто они пришли сюда из другой эпохи, но отлично освоили современный мир.

— Нам на второй этаж, мадемуазель Влада, — Рулан легко шагал впереди по широкой каменной лестнице, на ходу крутя на пальце ключи. — Осторожно на ступенях, они холодные, а вы без обуви.

Я молча кивнула, наступая босыми ногами на гладкие, идеально пригнанные плиты. На удивление, камень под но-

гами был не ледяным: от него шло приятное, едва ощутимое тепло.

Рулан толкнул массивную дверь:

— Вуаля. Ваша обитель на ближайшую ночь. Ну или пока буря за окном не решит сменить гнев на милость.

Я шагнула внутрь. Комната оказалась огромной, светлой и удивительно уютной. Высокий потолок, панорамное окно, за которым продолжал реветь белёсый ад, широкая кровать с горой подушек и тёмно-изумрудным бархатным покрывалом, рабочий стол, кресло у небольшого пристенного камина и отдельная дверь, судя по всему, в ванную комнату. Едва я успела оглядеться, плотнее подтягивая плед к груди, как в дверном проёме бесшумно появился Дамиан. В руках он держал аккуратную стопку вещей.

— Одежда, — коротко проговорил он, сдержанно заходя в комнату и складывая вещи на край кровати. — К сожалению, женского гардероба у нас нет. Это абсолютно новый, неношеный комплект: мягкие трикотажные брюки на завязках и плотный хлопковый худи оверсайз. Думаю, рукава придётся подогнуть, но согреетесь вы быстро.

Я с подозрением посмотрела на ровную стопку.

— Откуда у вас в замке новые мужские вещи с бирками? — мой голос прозвучал сдержанно, но в нём отчётливо проскользнула настороженность.

Дамиан даже глазом не моргнул. Его губы едва заметно тронула холодная тень улыбки:

— Мы ведём бизнес в городе, Влада Викторовна, и иногда заказываем вещи комплектами для поездок. Не ищите подвоха там, где его нет. В ванной есть тёплая вода, полотенца и всё необходимое. Переодевайтесь, умойтесь и ложитесь спать. Разговоры и дела отложим до утра.

Рулан, опиравшийся на дверной косяк, хитро прищурился и отдал мне шутливый салют двумя пальцами:

— Приятных снов, мадемуазель. Если что-нибудь понадобится, просто позовите. Мы на первом этаже, допиваем отвар.

Они вышли, мягко прикрыв за собой дубовую дверь. Я осталась одна в тишине прогретой комнаты. Подойдя к двери, я первым делом повернула защёлку. Замок тихо щёлкнул.

Только после этого я позволила себе тяжело выдохнуть и подойти к окну. За стеклом бушевала непроглядная метель. Где-то там осталась моя разбитая машина, моя привычная городская жизнь, работа... Но прямо сейчас я находилась в чужом, странном замке с двумя чертовски красивыми и пугающими мужчинами, которые называли себя Дамианом и Руланом.

***

Я резко проснулась и уставилась на незнакомый потолок. Затем перевела глаза на шелковистое изумрудное покрывало. До меня дошёл запах хвои, проникавший даже в эту комнату. Память сработала чётко, вернув вчерашний кош-

мар: разбитая машина, ледяная метель, жуткий марш-бросок сквозь снег к огням замка и двое странных мужчин, которые меня приютили.

Я приподнялась на локте, откинув одеяло. Трикотажные брюки и свободный хлопковый худи оказались удивительно мягкими и сидели идеально. В ванной я быстро привела себя в порядок. На месте раны на лбу осталась лишь аккуратная розовая царапина. Затем босиком подошла к панорамному окну.

То, что открылось моим глазам, заставило на секунду забыть о страхе.

Никакой бури. Никакого безумного белого месива. За стеклом безмятежно, крупными пушистыми хлопьями падал снег, укрывая густые еловые лапы и массивные каменные зубцы внешней стены.

Я прижалась лбом к прохладному стеклу, выискивая хоть какие-то следы цивилизации. Внизу простирался внутренний двор, вымощенный тёмным камнем, но ни дороги, ни даже намёка на забор или постройки за периметром не наблюдалось. Только белоснежное безмолвие до самого горизонта.

Словно замок находитсяв каком-то вакууме, — пронеслось в голове.

Я зябко повела плечами и тихонько отперла дверь комнаты. Коридор был пуст. Тишина стояла такая абсолютная, что где-то вдали отчётливо раздавалось мерное тиканье часов.

Спускаясь по широкой лестнице в главный холл, я невольно почувствовала себя героиней какого-то исторического романа. На стенах в тяжёлых рамах висели тёмные портреты: лица людей из прошлых веков с пронзительными, следящими за каждым шагом глазами. Дверцы резных дубовых шкафов украшали замысловатые кованые ручки, а на массивном столе лежала толстая книга в кожаном переплёте с металлическими застёжками.

В главном холле всё ещё приятно пахло хвоей. Огромная, величественная ель под потолок казалась ещё более сказочной при дневном свете. Я подошла ближе, разглядывая игрушки. Здесь удивительным образом соседствовали ультрасовременные стеклянные шары с подсветкой и диковинные, потёртые временем фигурки ручной работы из дерева и папье-маше.

Любопытное сочетание. Современные шары и игрушки, которым, кажется, не один десяток лет. Неужели семейная коллекция?— подумала я, остановив взгляд на потёртом деревянном щелкунчике.

Я невольно задумалась, кто эти двое на самом деле. Братья? Друзья? Или просто двое состоятельных чудаков, которым вздумалось поселиться в собственном замке посреди глуши?

Вчера они вполне походили на состоятельных чудаков. Приличные, ухоженные мужчины, пусть и со своими странностями. Один с ледяным взглядом, второй в свитере с оле-

нем. Последнее, кстати, совершенно не вязалось с моим представлением о владельцах подобных замков.

Хотя... Может, они какие-нибудь сектанты? Закрытое сообщество, решившее отгородиться от остального мира? Или поклонники древних обрядов?

Я невольно поёжилась.

А вдруг всё ещё хуже? В конце концов, самые опасные психопаты далеко не всегда выглядят как безумцы. Иногда это вполне обаятельные, образованные и чертовски располагающие к себе люди. Вчера эти двое проявили ко мне удивительную заботу, но ведь я совершенно ничего о них не знаю.

И что вообще делают два мужчины в таком огромном замке посреди неизвестно где? Кем бы они друг другу ни приходились, их образ жизни определённо оставлял больше вопросов, чем ответов.

Со стороны лестницы донеслись шаги.

Я резко замерла, выныривая из своих размышлений, и напряглась, вслушиваясь в утреннюю тишину. На последней ступени показался вчерашний тип.

Вид у него был абсолютно невозмутимый. На нём был простой тёмно-синий свитер, а на губах играла лёгкая, едва заметная улыбка человека, который явно выспался и чувствовал себя хозяином положения. Никакой спешки.

— Доброе утро, мадемуазель, — его голос прозвучал плавно, обволакивающе. — Как почивалось? Надеюсь, ночная стужа не сильно докучала.

Я скрестила руки на груди, пытаясь унять некстати зачастивший пульс, и холодно посмотрела на него снизу вверх.

— Спасибо, выспалась, — чеканя каждое слово, произнесла я, делая шаг назад, ближе к ёлке. — Но вообще-то я жду, когда мне вернут мои вещи и телефон. Мне нужно связаться с близкими.

Рулан медленно, с мягкой, неторопливой грацией преодолел оставшееся расстояние. Остановился чуть ближе, чем требовало приличие, но не нарушая ту грань, за которой начинается явная агрессия. Просто так близко, что я отчётливо ощущала его живое тепло и чистый морозный запах.

— Ваш телефон остался в кармане пуховика. Сам пуховик сейчас сушится в подсобке, — спокойно ответил он, чуть склонив голову набок. — Только боюсь, толку от него сейчас мало. После ночной метели здесь глухой вакуум, сети нет вообще никакой. Можете проверить сами, когда мы принесём ваши вещи. Да и ваш аппарат, скорее всего, разрядился на морозе.

Я нахмурилась:

— У вас есть зарядка? Или стационарный телефон? Связь же должна быть хоть какая-то!

Рулан тихо вздохнул, и в его взгляде мелькнуло что-то похожее на искреннее сочувствие, смешанное с лёгкой насмешкой.

— Никакой связи, птичка, поверьте на слово. Мы сами отрезаны от мира. Помощи ждать бесполезно: в такую пого-

ду никакие службы не вызвать, да они сюда и не проедут. — Он чуть подался вперёд, понизив голос до мягкого, почти ласкового шёпота: — Ну что же вы так испугались? Что за паника? Мы вас не обидим. На улице непогода, холодрыга... Пойдёмте лучше на кухню. Дамиан уже кофе варит.

Я недоверчиво покосилась в сторону коридора.

— На кухню? Разве он там? Тихо же было...

— В замке отличная звукоизоляция, — усмехнулся Рулан, легко и ненавязчиво касаясь кончиками пальцев моего плеча, будто стряхивая несуществующую соринку. От этого короткого движения по коже побежали мурашки. — Пойдёмте. Нам всё равно предстоит провести здесь немало времени, пока буря не утихнет. Лучше познакомиться поближе за чашкой кофе, чем стоять тут и дрожать.

Глава 4.

Влада.

Мы прошли по длинному коридору и свернули в просторное помещение. Я ожидала увидеть здесь мрачный средневековый очаг, но вместо этого замерла на пороге. Кухня оказалась ультрасовременной: блестящие хромированные поверхности, встроенная техника премиум-класса, дорогая бесшумная кофемашина и даже тихо шуршащий по керамограниту робот-пылесос, который деловито огибал ножки массивного дубового стола.

За столом уже сидел Дамиан. Перед ним стояла чашка дымящегося кофе, а на плите аппетитно подрумянивались аккуратные тосты с авокадо и зеленью.

— Доброе утро, Влада Викторовна, — Дамиан поднял голову, окинув меня спокойным взглядом. От него веяло уверенностью человека, который умеет держать себя в руках. — Рад видеть вас на ногах. Располагайтесь, завтрак практически готов.

Я с лёгким смущением присела за стол, кивнув в знак приветствия. Аппетит проснулся, но внутри всё равно всё клокотало от неразрешённых вопросов.

— Спасибо, — тихо произнесла я, принимая чашку кофе, которую пододвинул Дамиан. — Слушайте... я очень благодарна, что вы меня приютили, но мне нужно срочно как-то

связаться с близкими. Я ведь должна была приехать к сестре мужа на праздники ещё вчера. Андрей наверняка с ума сходит, обзванивая все службы...

Рулан опёрся бёдрами о край столешницы, скрестив руки на груди, а Дамиан сделал глоток кофе, внимательно слушая. Они переглянулись, и я отчётливо уловила в этом взгляде какую-то общую, скрытую от меня тайну.

— Понимаю ваше волнение, Влада, — мягко произнёс Дамиан. — Но паниковать сейчас действительно не стоит. Телефон ваш после ночи на морозе разрядился в ноль, а сети здесь из-за циклона нет вообще. В такую погоду связь ложится напрочь.

— Но вечно же метель не может бушевать, — нахмурилась я, отпивая ароматный кофе. — Разве здесь нет какой-то связи? Или дороги? Как вы вообще тут живёте? У вас же наверняка есть семьи, жёны, дети... Почему вы решили встречать праздники вдвоём в этой глуши?

Кажется, стоило мне начать спрашивать, как остановиться уже не получалось. Слишком многое в этом месте не давало покоя.

На губах Рулана мелькнула лёгкая улыбка.

— Мы свободны как птицы, Влада, — ответил он ровным, бархатистым тоном. — Никаких жён и обязательств. А это место... просто наш загородный дом, куда мы иногда сбегаем от городской суеты. Любим уединение, особенно зимой.

Я окинула взглядом просторную кухню, дорогущую тех-

нику и массивные каменные стены вокруг.

— Ну, комфорт тут у вас потрясающий, не спорю, — задумчиво протянула я. — Вам-то хорошо, вы можете себе позволить отдыхать от цивилизации сколько угодно. А мне нужно к семье. Скажите, у вас здесь есть нормальная машина? Внедорожник какой-нибудь? Если погода к обеду хоть немного успокоится, я могла бы доехать до трассы...

Дамиан отставил чашку в сторону, и его взгляд стал чуть серьёзнее.

— Внедорожник у нас есть, и технику мы держим надёжную, — спокойно ответил он. — Но вы недооцениваете масштаб здешних метелей. В такую погоду сугробы по самые окна, и даже мощная машина просто сядет на брюхо в первом же перемёте. Рисковать и пускать вас сейчас на дорогу мы не станем.

Я с раздражением отложила вилку.

— То есть вы предлагаете мне просто сидеть здесь и ждать у моря погоды? А если они обзвонили уже все больницы?

Рулан оттолкнулся от столешницы, сделал пару шагов и мягко, успокаивающе коснулся пальцами моего плеча. От этого неожиданного жеста по коже пробежал холодок.

— Полноте переживать, птичка, — его голос прозвучал почти ласково, но с пугающей, непреклонной уверенностью. — Даже если погода решит задержаться и бушевать до самого Нового года, мы прекрасно встретим этот праздник втроём. А пока у нас есть достаточно времени, чтобы узнать друг

друга получше, раз уж придётся пожить вместе.

Он слегка склонил голову и добавил совсем уж будничным тоном:

— А по поводу родных не переживайте. Если они обратятся в полицию, им скажут, что вас нет ни в моргах, ни в сводках, нигде. А пока они будут считать вас просто пропавшей без вести... что ж, у них хотя бы останется надежда, что вы живы.

Я ошеломлённо замерла, глядя на него во все глаза. От этой фразы веяло таким дремучим, нечеловеческим равнодушием к чужой боли, что внутри на секунду замерло сердце.

С ума сойти,— пронеслось в голове. — *Для них человеческая жизнь, полиция, поиски — это просто шум за окном. Подумаешь, пропала женщина перед праздниками, какая мелочь.*

Я медленно перевела взгляд на Дамиана. Он сидел совершенно спокойно, неторопливо допивая остывающий кофе. Ни тени осуждения на лице, ни попытки одёрнуть друга. Наоборот, в его тёмных глазах мелькнуло что-то похожее на едва сдерживаемое развлечение. Мой испуг, моё замешательство и возмущение были для них не трагедией, а забавным зрелищем, вроде сериала по вечерам.

— Вы... вы вообще нормальные? — мой голос прозвучал тихо, но в нём звенел чистый металл. — Для вас люди — это так, расходный материал, пока вы тут в изоляции в игрушки играете?

Дамиан отставил чашку в сторону, аккуратно промокнул губы салфеткой и поднялся из-за стола. От его внушительной фигуры сразу повеяло тяжёлым, давящим авторитетом.

— Мы вполне нормальны, Влада, просто смотрим на вещи шире, — ответил он ровно, беззлобно, но так весомо, что возражать расхотелось. — Не стоит портить аппетит мрачными фантазиями.

Он кивнул Рулану, давая понять, что представление закончено.

Рулан лишь лениво усмехнулся, подхватил со стола пустую тарелку и бросил напоследок:

— Не дуйтесь, птичка. Идёмте, я покажу вам библиотеку или бильярдную. Сидеть целыми днями в комнате и накручивать себя — верный путь к мигрени. А нам нужно, чтобы к празднику вы были в полном порядке.

Фраза «чтобы к празднику вы были в полном порядке» царапнула слух так резко, будто по стеклу провели металлом. Я мгновенно напряглась. Что это значит «в порядке»? Как ценный экспонат? Как подготовленная к какому-то ритуалу жертва? Или они просто имели в виду здоровье после аварии?

Я открыла рот, собираясь потребовать ответа прямо здесь и сейчас, но было уже поздно. Дамиан уверенным шагом направлялся к выходу, а Рулан поставил тарелку в раковину и последовал за ним.

— Эй! — бросила я вслед, вскакивая из-за стола.

Но они даже не обернулись. Дверь кухни мягко закрылась за ними.

Несколько секунд я стояла посреди сияющей хромом кухни, сжав кулаки. Оставаться здесь в одиночестве не хотелось абсолютно. Внутри закипало упрямство. Раз уж меня заперли в этом странном замке с двумя самодовольными циниками, я точно не буду послушно ждать погоды в углу.

Я подошла к раковине, брезгливо ополоснула свою чашку, аккуратно поставила её на место и решительно направилась к выходу. Если Рулан предлагал библиотеку или бильярдную — отлично, я сама выберу, куда пойти, и заодно посмотрю, что это за замок.

Я оглядывала просторный коридор, подмечая детали. Никаких следов камер видеонаблюдения или охранной сигнализации. Зато телевизоров в привычном понимании я тоже не заметила. Зачем им вообще огромные шкафы с книгами в век планшетов? Насколько же здесь должно быть одиноко долгими зимними вечерами, чтобы тянуться к бумажным страницам?

Парни ждали меня у массивной резной двери в конце коридора. Когда я подошла, Дамиан приоткрыл её, приглашая войти в бильярдную.

Рулан уже скинул свой синий свитер, оставшись в тонкой чёрной футболке, которая идеально подчёркивала рельеф плеч, и с лёгкой улыбкой крутил в руках кий. Дамиан прислонился плечом к косяку, наблюдая за нами с неизменным

спокойствием.

— Ну что, мадемуазель, разомнёмся с утра? — подмигнул мне Рулан. — Шарики погоняем?

Я скептически хмыкнула, засунув руки в карманы худи.

— Боюсь, вы переоцениваете мои таланты. Я видела бильярд только в кино.

— Тем интереснее, — Рулан отложил кий, подошёл ко мне и легко, без спроса, подхватил за локоть, увлекая к столу. — Научим. Тут главное — геометрия и правильный настрой.

Я не стала вырываться сразу, хотя внутри всё протестовало против этого панибратства. На зелёном сукне уже были аккуратно расставлены шары.

Рулан встал позади, так близко, что его дыхание коснулось затылка, а плотная ткань футболки соприкасалась с моей спиной.

— Корпус чуть правее, ногу назад... Нет, не так, — его голос прозвучал низко и бархатисто прямо над ухом.

Я чувствовала каждое его движение. Его длинные, сильные пальцы легли поверх моих на деревянном древке кия, а рука медленно скользнула вверх по запястью, помогая правильно расположить кисть.

— Вот так, птичка, — прошептал он. — Держите крепче, но кисть оставьте мягкой.

Разум отчаянно пытался зацепиться за мысль, что всё это странно, что меня ждёт муж, что нужно сделать шаг назад,

но тело предательски замирало.

И в этот самый момент с другого бока бесшумно подошёл Дамиан. Он двигался уверенно и размеренно. Наклонился к моему левому боку, коснулся прохладной ладонью моей руки на древке и одним точным движением скорректировал угол моего наклона.

— Неправильно держите мост, Влада, — произнёс он ровно, проникая голосом прямо под рёбра. — Вот здесь пальцы шире. Напряжение надо убрать.

Они взяли меня в плотный, невидимый кокон. Рулан за спиной раскачивал мои барьеры на прочность, Дамиан сбоку был непреклонной стеной. Запах кожи, морозной свежести и древесного тепла обволакивал со всех сторон.

На секунду сквозь этот дурман вспыхнуло лицо Андрея: телефонные гудки, заснеженная трасса... Господи, что я делаю? У меня же муж...

Но мысль рассыпалась пеплом. Сопротивляться этому притяжению становилось физически больно.

Словно почувствовав момент перелома, парни синхронно отступили, возвращая мне воздух. Я судорожно выдохнула, едва удерживая равновесие.

— Ну вот, уже гораздо лучше, — довольно улыбнулся Рулан, постукивая кием о пол. — Теперь смотри, птичка. Белый шар перед тобой называется битком. Им нужно отправить в лузу вот эту красную вредину. Она, конечно, будет сопротивляться, но ты не поддавайся. Главное, правильно рас-

считать направление и силу удара. Давай, покажи класс.

Глава 5.

Дамиан.

Я чуть прислонился плечом к косяку, с ленивым интересом наблюдая за тем, как Рулан нащупывает грани.

Младший всегда предпочитал действовать наотмашь: раскачивать воздух, давить на нервы, искушать и проверять человеческую хрупкость на излом. Его стихия — хаос. За пять столетий я так и не смог приучить его к мысли, что далеко не каждую ситуацию нужно превращать в игру. Впрочем, подозреваю, он и не собирался меняться.

Влада держалась неплохо: ощетинилась, попыталась качать права, а теперь явно пыталась понять, что ей делать дальше. Я видел, как она цепляется за свой привычный мир, за мужа, за всё, что осталось там, за пределами этого дома. Рулану нравилось наблюдать, как постепенно рушится её уверенность. Мне же было интересно другое: насколько долго она сможет сохранять самообладание, когда поймёт, что привычные правила здесь не работают.

Я мог бы остановить Рулана. Одного взгляда хватило бы, чтобы он отступил. Но не стал. Не потому, что одобрял каждую его выходку. Просто сам хотел понять, что представляет собой наша гостья.

Я намеренно чуть замедлил для себя этот миг, позволив времени вокруг нас стать вязким, чуть осязаемым. Мне хо-

телось, чтобы она физически прочувствовала разницу между своим привычным миром и тем, в котором жили мы.

Мне было ровно тридцать пять, когда я перешёл ту грань. С тех пор время больше не оставляло на мне следов. Шли века, сменялись эпохи, но во мне по-прежнему кипела та же кровь, жили те же инстинкты и не исчезали вполне земные желания, знакомые любому мужчине моего возраста.

Вечность имеет свою цену. Без таких вот искр она утомляла бы однообразием.

А передо мной стояла упрямая женщина с сильным стержнем. Наши с Руланом отношения за столетия стали сложнее любых братских уз. Мы слишком хорошо знали друг друга, чтобы нуждаться в объяснениях, и слишком долго жили бок о бок, чтобы всегда соглашаться. Сейчас нас объединяло одно: молчаливое предвкушение того, как долго эта птичка продержится под нашим напором.

Пора было включиться.

Я бесшумно оттолкнулся от косяка и шагнул к столу, обходя её с левого бока. Рулан вовсю затевал свою игру за спиной, а я взял на себя другую роль.

Я нагнулся, накрывая своей прохладной ладонью её руку на кие, и осторожно поправил положение пальцев, помогая выпрямить корпус.

— Неправильно держите мост, Влада, — бросил я негромко. — Вот здесь пальцы шире.

Она застыла. Рулан находился за её спиной, я стоял сбо-

ку. Мы оказались достаточно близко, чтобы она чувствовала присутствие каждого. Я чуть прижался ближе, давая ей ощутить нашу силу. Не для того, чтобы напугать до смерти, а чтобы она поняла: при желании мы могли бы не оставить ей ни малейшего шанса на сопротивление.

Я синхронно с Руланом отступил назад, возвращая ей видимость свободы. Влада судорожно выдохнула, пытаясь совладать с предательски дрожащим телом.

Пусть играет в независимость. До Старого Нового года времени вагон, и мы ещё сполна узнаем, из чего слеплен её характер.

***

Влада.

Я судорожно втянула в лёгкие прохладный воздух, пытаясь отогнать дурманящий жар. Руки слегка подрагивали от злости на себя: я снова позволила им загнать себя в ловушку, хотя прекрасно понимала, что они делают.

Рулан стоял в полушаге от меня, беззаботно поигрывая кием, а Дамиан наблюдал за мной тяжёлым, оценивающим взглядом.

— Ну же, птичка, я жду мастер-класс, — поддразнил Рулан.

Сжав зубы, я решила сделать вид, будто ничего особенного не произошло. Я наклонилась над сукном, отвела кий назад и резко толкнула белым шаром красную цель.

Удар получился слишком сильным. Биток звонко стук-

нулся о борт, а красная «вредина» даже не шевельнулась.

Рулан откровенно расхохотался.

— Не лупи по нему изо всех сил, птичка. Бильярд — это про геометрию.

Я выпрямилась, упершись руками в бортик стола.

— Вы меня так весь день учить будете? Или в этом замке есть ещё какие-то развлечения?

Рулан лукаво прищурился.

— Ну, как только выиграешь хоть партию, сразу перейдём к чему-нибудь другому. Например, покажем нашу библиотеку... Или спустимся в подвал.

Он многозначительно поиграл бровями. Учитывая их утренние рассуждения о моргах, шуточка выглядела пугающе.

Следующие минут пятнадцать превратились в пытку. Я честно пыталась выстроить правильную стойку, пока Рулан поправлял меня, касаясь плеч. В какой-то момент, когда я в очередной раз промахнулась, он со вздохом подошёл ближе, перехватил мой кий своими пальцами и... неожиданно достал из кармана ярко-оранжевый мандарин. Очистил его, отделил дольку и поднёс прямо к моим губам.

— На, подкрепись углеводами. Без сахара мозг отказывается дружить с физикой.

Я от неожиданности приоткрыла рот, машинально приняв угощение. Пока я жевала, опешив от такой наглости, Рулан незаметно поправил положение кия в моих руках, направив

биток точно в сторону красного шара.

Раздался глухой удар, и красный шар скатился в лузу.

— Ты... ты подстроил! — возмутилась я.

— Никакого мошенничества, чистая магия момента, — подмигнул он. — Победа засчитана. Уговор дороже денег.

Дамиан оттолкнулся от стены.

— Раз уж леди выиграла, извольте вести экскурсию. Библиотека ждёт.

Мы прошли по длинному коридору, и парни толкнули тяжёлые резные двери.

Я замерла на пороге, ошеломлённо оглядываясь. Библиотека оказалась огромной: двухъярусное помещение с тёмными арочными потолками, витражами и рядами стеллажей, уходящих под самый потолок. В центре стоял большой дубовый стол под зелёной суконной обивкой. На нём лежала стопка бумаг, раскрытая толстая книга с закладкой и какая-то старая открытка.

Я обхватила себя руками за плечи, решив взять инициативу в свои руки и перехватить контроль над беседой.

— И часто вы здесь коротаете вечера? — скептически спросила я, обводя взглядом зал. — Телевизоров в доме нет, связи нет, теперь ещё библиотека размером с музей. Вы тут от цивилизации прячетесь или книги коллекционируете?

Рулан обошёл стол, остановившись рядом.

— Прячемся? О нет, птичка. Наслаждаемся изоляцией. Вокруг на сотни километров — глухая тайга. Только ты, мы

и литература. Разве не романтично?

Сзади бесшумно подошёл Дамиан.

— Книги — это просто инструмент, Влада, — его низкий голос раздался у самого уха. — Способ скоротать вечность. А телевизоры... Зачем нам суррогаты, когда в реальной жизни происходят вещи интереснее?

Он кивнул на раскрытый на столе старинный фолиант.

— Например, наблюдать, как человек упорно пытается убедить себя, что всё происходящее поддаётся обычной логике.

Я резко развернулась к нему.

— Вы оба — сплошная головная боль, а не романтика. Если это ваш способ развлекать гостей, то с меня хватит. Где моя комната? Я хочу побыть одна.

— Одна? — протянул Рулан, делая шаг ко мне и направляясь к дальним стеллажам. — Ну нет, птичка. Заблудиться здесь проще простого. Раз уж ты победительница, позволь сделать комплимент.

Он вытянул с полки увесистый томик в современной глянцевой обложке и протянул мне. Я машинально взяла его в руки и перевернула. На обороте располагалась аннотация:

«Одна девушка, два опасных мужчины и пространство, отрезанноеот всего мира. Зима только началась, но насколько горячимибудут их дни в изоляции? И не скрывают ли эти двое что-то такое, от чего благоразумнее было бы бежать сломя голову, чем делить с ними постель? Любовь

нагрянет внезапно, но цена за это умопомрачение может оказаться слишком высокой...»

Я резко захлопнула книгу, чувствуя, как лицо заливает горячий румянец.

— Совсем с ума сошли? Это что за извращённый юмор? Специально подбирали библиотеку под свой вкус или цитаты заучиваете?

Рулан весело прищурился, а Дамиан тихо усмехнулся, окончательно подтверждая, что они прекрасно осознают, в какую ловушку меня заманили.

Я бросила на Рулана раздражённый взгляд, но спорить больше не стала. Доказывать им что-либо, только тешить их самолюбие.

— Развлекайтесь дальше со своими сюжетными подсказками, — бросила я, разворачиваясь.

Вместо того чтобы оставаться рядом с ними, я демонстративно прошла вглубь библиотеки, подальше от их пристальных взглядов. Мне нужно было вырваться из этого навязанного ими круга.

Вдоль дальней стены высились массивные резные шкафы из тёмного дуба, до отказа заполненные старинными фолиантами и подшивками документов. Я провела пальцами по одному из корешков, разглядывая вытисненные на потёртой коже названия. Никакой мистики — богатые затворники, коллекционирующие антиквариат. Мало ли чокнутых миллионеров скупают старинные архивы на аукционах?

На одной из полок, зажатая между кожаными справочниками, стояла шкатулка из потемневшего серебра, а рядом лежала папка с пожелтевшими от времени бумагами. Крышка шкатулки была приоткрыта.

Я оглянулась. Дамиан и Рулан молча наблюдали за моими перемещениями: Рулан стоял с ленивой кошачьей ухмылкой, а Дамиан внимательно следил за каждым моим движением, словно одним своим присутствием напоминал, что ничего не упускает.

Забыв на секунду про их присутствие, я потянула на себя край папки. Листы внутри были исписаны размашистым почерком, с характерными дореформенными буквами и латинскими пометками на полях. Верхний лист, судя по всему, был дарственной или личным свидетельством, датированным 1840 годом. И имя владыки этих мест значилось вполне чётко: «Дамиан Радович Чернолесский...»

Я моргнула, вчитываясь в завитушки букв. 1840-й. Почти два века назад. Сердце кольнуло неприятным, холодным уколом. Мой прагматичный мозг тут же услужливо подбросил дюжину «разумных» объяснений: *Коллекционеры. Родовое гнездо. Они просто фанатично берегут историю своей семьи, передавая из поколения в поколение имена и фамилии старших предков, выдавая себя за них для антуража. Или чокнутые реконструкторы, создавшие себе целый исторический музей в глуши.*

Но внутри всё равно неприятно заскребло. Уж слишком

холодными, тяжёлыми и отрешёнными были их взгляды для обычных любителей старины.

— Нашли что-то интересное, Влада? — голос Дамиана раздался неожиданно близко.

Я резко захлопнула папку, отдёрнув руку, будто обожглась, и выпрямилась. Напускать на себя испуг перед ними не хотелось принципиально.

— Просто оцениваю масштабы вашей мании величия, — бросила я как можно холоднее, отступая от полки. — Коллекционируете документы полуторавековой давности? Или у вас тут ролевые игры в помещиков? Для полного комплекта не хватает только крепостных в подвале.

Дамиан лишь слегка приподнял тёмную бровь, не выказывая ни гнева, ни раздражения. В его присутствии я невольно ощущала напряжение, словно он одним взглядом мог заставить меня пожалеть о каждом сказанном слове. Рулан за его спиной тихо хохотнул, оценив сарказм.

— Хватит с меня экскурсий, — отрезала я, обходя их стороной. — Я иду в свою комнату.

Рулан явно собирался что-то ответить, но я не стала ждать. Мне хватило и этой экскурсии, и их двусмысленных шуточек. Хотелось поскорее оказаться подальше от обоих и спокойно обдумать всё, что произошло за это утро.

Никто меня не удерживал.

Вернувшись в комнату, я закрыла дверь на замок, прислонилась спиной к прохладной деревянной поверхности и на-

конец позволила себе глубоко выдохнуть.

В комнате было тихо. За окном по-прежнему глухо завывала метель, ударяя снежной крупой в толстые стёкла. Я прошла к зеркалу в полный рост, висевшему на стене в массивной раме, и критически осмотрела себя: бледная, руки чуть подрагивают.

Я потёрла плечи и невольно вспомнила тупую боль от ремня безопасности, впившегося в грудь и плечо, когда машину на скорости понесло с трассы и швырнуло капотом прямо в ствол дерева. В ушах до сих пор отдавался надсадный скрежет умирающего стартера и липкий ужас от осознания, что печка умолкла, а машина превращается в ледяной склеп.

Андрей.

Боже, Андрей... Где он сейчас? Наверняка с ума сходит, обзванивая больницы и морги, возможно заявил о пропаже в полицию. Он же ждал меня у сестры ещё вчера. А я пообещала, что приеду быстро, как только закрою отчёты... И теперь он там один, наверняка пытается меня найти, пока я заперта чёрт знает где.

Слава богу, у меня хотя бы хватило ума не остаться замерзать в том ледяном салоне. Я выбралась наружу, проваливаясь в снег, и брела наугад, пока не наткнулась на этот каменный замок.

Я села на край широкой кровати, обхватив голову руками, пытаясь унять нарастающую панику.

Странная, звенящая пустота внутри упорно не проходила.

В комнате было тепло, хотя ни батарей, ни малейшего намёка на современные обогреватели я так и не заметила. Оставалось предположить, что в старом замке установлена мощная система отопления. Я машинально потёрла лоб: ссадина от удара о руль уже почти не саднила, да и тяжёлой утренней боли в голове не было, хотя приложилась я тогда знатно. Впрочем, после такого выброса адреналина организм наверняка включил скрытые резервные силы.

Только вот за завтраком... тосты почему-то казались совершенно безвкусными, будто я жевала бумагу. Наверное, из-за пережитого стресса рецепторы просто временно отключились. Я неуверенно поднесла ладонь к губам и выдохнула. Воздух показался странно сухим и прохладным, хотя при такой температуре... Впрочем, какая разница? Наверное, сказывалось банальное обезвоживание на морозе.

Просто стресс, — жёстко сказала я себе, сжимая пальцы в кулаки. — *Обычный шок после аварии.*

Я сидела н

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.